

ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА И ЦИВИЛИСТИКИ

© 2004 г. П. В. Тепляшин

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРАВОСУДИЯ И ПРОИЗВОДСТВУ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Процессы укрепления государственной власти, повышение эффективности работы судебно-следственных органов и рост легитимности судебной власти требуют повышенного внимания к эффективной охране интересов правосудия. Представляется важным интерес правосудия в первую очередь обеспечивать посредством их действенной уголовно-правовой охраны. Ведь существование правового государства неотъемлемым образом связано с сильной и независимой властью судей, престиж и авторитет которой выступает критерием развития самой государственности. Однако имеющая место неэффективность всей системы уголовной юстиции по сути обусловлена двумя факторами – ресурсным перенапряжением, тщетностью усилий соответствующих органов в обеспечении целей уголовной политики государства и несоответствием правовых норм, в том числе уголовно-правовых, общественным отношениям в этой сфере.

В настоящей статье предлагается обсудить ряд некоторых проблем квалификации преступления, предусмотренного ст. 294 УК РФ, объективные признаки которого, как представляется, вызывают существенные проблемы научного толкования и практического применения.

Обращаясь к уголовно-правовой статистике, следует отметить, что она показывает нестабильный характер регистрируемых воспрепятствований осуществлению правосудия и производству предварительного расследования. Так, в 1997 г. по России было зарегистрировано 33 преступления, предусмотренных ст. 294 УК РФ, и выявлено 13 лиц, совершивших данное преступление, в 1998 г. – 34 преступления и 18 лиц, в 1999 – 47 и 14, в 2000 – 45 и 16, в 2001 – 30 и 7, в 2002 – 34 и 16, в 2003 – 53 преступления и 19 лиц. Таким образом, можно проследить волнообразный рост и снижение числа зарегистрированных преступлений при одновременном непропорциональном числу зарегистрированных воспрепятствований осуществлению правосудия и производству предварительного расследования, увеличению и снижению выявленных лиц, совершивших рассматриваемое преступление. Думается, что одной из причин рассмотренной ситуации видится проблема законодательного описания признаков воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования, которая, в свою очередь, вызывает существенные вопросы квалификации рассматриваемого преступления.

Содержание непосредственного основного объекта рассматриваемой уголовно-правовой нормы включает общественные отношения, обеспечивающие правильную деятельность суда и органов предварительного расследования, то есть реализацию интересов правосудия. Существование правосудия в этом случае проявляется в специфических общественных отношениях, включающих внутренние связи между субъектами правосудия по поводу реализации важнейших социально-политических интересов – охраны законных прав и свобод личности, общества и государства, обеспечения законности и восстановления социальной справедливости, борьбы с преступностью. Таким образом, данные общественные отношения обеспечивают строго регламентированную законодательством нормальную деятельность суда и иных органов, способствующих решению стоящих перед ними задач и целей правосудия. Вместе с тем важным условием правомерности достижения данных задач и целей являются нормативные требования, определяющие порядок и условия осуществления определенных действий соответствующих должностных лиц и соблюдения при этом прав и свобод участников общественных отношений в сфере отправления правосудия.

Часть первая ставит под охрану деятельность судебной системы Российской Федерации по разрешению всех независимо от их характера дел – уголовные, гражданские, административные, а также дела о соответствии нормативных актов Конституции России или по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод. Подобные границы уголовно-правовой охраны установлены на основании толкования ч. 3 ст. 1 Федерального конституционного закона РФ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»¹, указывающей, что «судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства».

В рассматриваемой норме предусмотрена ответственность за два самостоятельных преступления: в первой части – вмешательство в деятельность суда; во второй – вмешательство в деятельность органов предварительного расследования.

При этом следует отметить, что целый блок нормативных актов устанавливает независимость и неприкосновенность судей и соответствующих

¹ Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

должностных лиц, их подчинение только Конституции России и закону. Это, прежде всего:

- Федеральный закон РФ от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»², а также:
- Федеральный конституционный закон РФ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»;
- Федеральный закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»³ и некоторые другие.

В частности, ст. 5 закона «О прокуратуре Российской Федерации» закрепляет недопустимость какого-либо вмешательства в деятельность прокурора или следователя с целью влияния на принимаемые ими решения.

Уголовную ответственность влечет воздействие лишь на лиц, непосредственно осуществляющих рассмотрение и разрешение дел: судью, присяжного, народного или арбитражного заседателя. Так, согласно ч. 1 ст. 1 упомянутого выше закона «О судебной системе Российской Федерации» судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судьей и привлекаемыми в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжным, народным и арбитражным заседателем. Следовательно, такие же действия в отношении иных работников суда, например, консультанта суда, судебного исполнителя, секретаря судебного заседания или должностных лиц других правоохранительных органов не могут признаваться воспрепятствованием осуществлению правосудия.

Объективная сторона состава данного преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 294 УК РФ, выражается во вмешательстве в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия.

Согласно прямому указанию закона, форма вмешательства значения не имеет и охватывает любое ненасильственное неправомерное воздействие на судей, народных или присяжных заседателей либо вторжение в их профессиональную деятельность, существенно нарушающее принципы судопроизводства, закрепленные в законодательстве (всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела), осуществляемое для принятия судом такого приговора, решения или иного судебного акта, в котором заинтересовано виновное лицо. Вмешательство может выражаться, с одной стороны, в просьбах, уговорах, требованиях, советах, обещаниях оказать какие-либо услуги, непосредственно обращенных к судье, народному или присяжному заседателю, с другой – в неперсонифицированном воздействии на деятельность суда, например, путем физического или технического воспрепятствования работы суда. Однако, разглашение данных предварительного расследования или сведений о мерах безопасности, при-

меняемых в отношении судьи и участников уголовного процесса, в целях воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования следует квалифицировать по специальным уголовно-правовым нормам – ст. ст. 310 или 311 УК РФ соответственно, так как именно эти нормы регламентируют ответственность за подобные действия.

Такое воздействие может быть оказано также посредством средств массовой информации либо через третьих лиц – родственников знакомых, коллег и т.д. Для наличия рассматриваемого состава важным является то, что таким образом судья, народный или присяжный заседатель склоняется или понуждается к одностороннему рассмотрению дела, его разрешению в интересах виновного, потерпевшего или иных лиц.

Небезынтересным является мнение В. Мальцева, полагающего, что такое вмешательство возможно и в форме создания судье неблагоприятных бытовых условий, посредством, например, многочисленных анонимных ночных звонков или подкупа соседей в целях проведения ими враждебных акций по отношению к судье⁴. Проблема квалификации здесь кроется в том, что действия по созданию неблагоприятных бытовых условий не всегда являются необходимым условием нарушения таких принципов судопроизводства как всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела, поэтому они, не обладая признаками вмешательства, не образуют объективной стороны рассматриваемого состава преступления⁵.

Вместе с этим представляется, что простые просьбы заинтересованных лиц о вынесении, например, неправосудного приговора, не подпадают под признаки рассматриваемой уголовно-правовой нормы и по сути являются необоснованными заявлениями и жалобами граждан. В этой связи стоит согласиться с мнением В. Мальцева, что даже тогда, когда при этом оказывается достаточно серьезное психологическое воздействие на судью (в частности, мать преступника на протяжении длительного времени с одной и той же просьбой и мольбами встречает судью около двери подъезда его дома), можно

⁴ См.: Мальцев В. Ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования // Законность. 1997. № 12. С. 13.

⁵ В данном случае задействованы концептуальные основы причинной связи, смысл которой не сводится лишь к ее установлению между общественным опасным деянием (причиной) и наступлением общественно опасных последствий (следствием) в преступлениях с так называемой материальной законодательной конструкцией состава. Поэтому, хотя преступление, предусмотренное ст. 294 УК РФ (и некоторыми другими в Главе 31 УК РФ), по своей законодательной конструкции относится к разряду формальных для его правильной квалификации необходимо также исследовать и устанавливать все признаки причинной связи в составе преступления (ведь причинная связь наличествует и вне рамок состава). В этом плане причинную связь можно определить как связь между определенным общественно опасным деянием (причиной) и наступившим вредным изменением (последствием) в структуре охраняемых общественных отношений, заключенных в объект преступления. При этом деяние во времени должно обязательно предшествовать изменению и с необходимостью его производить.

² Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1455.

³ Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

говорить лишь об издержках судебной профессии⁶.

В случае, если способом воздействия является угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, либо их близких, содеянное должно быть квалифицировано по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 294 и 296 УК РФ.

Рассматривая содержание конститутивного признака состава преступления, предусмотренного ст. 294 УК РФ, нельзя не отметить встречающееся в литературе небезынтересное предложение о замене понятия «вмешательство» термином «неправомерное воздействие». Так, С. А. Денисов обосновывает данное предложение неопределенностью признака «вмешательство», проявляющееся в том, что вмешательство в процессе отправления правосудия и расследования уголовного дела может носить как правомерный, так и незаконный характер⁷.

Преступление имеет формальный состав, и оно является оконченным с момента вмешательства в деятельность суда по рассмотрению конкретного дела независимо от того, привело ли это к вынесению неправомерного приговора или иного судебного решения или нет.

В качестве обязательного признака субъективной стороны в законе указана цель преступления – воспрепятствовать осуществлению правосудия. Отсутствие такой цели исключает ответственность по ст. 294 УК РФ. Посыгательством охватывается вмешательство как с целью прекращения дела, оправдания, смягчения наказания, освобождения от исковых требований, так и, наоборот, с целью ужесточения ответственности и наказания, привлечения к ответственности других лиц, увеличения суммы взыскания. Необходимо иметь в виду, что такое вмешательство будет преступным, если оно касается конкретного дела. Стремление путем воздействия на судью изменить карательную практику, судебную практику по отдельной категории уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях не образует состава данного преступления.

Часть 2 ст. 294 УК РФ предусматривает ответственность за вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела.

Объективная сторона рассматриваемого преступления по признаку вмешательства по своему содержанию фактически тождественна вмешательству в деятельность правосудия. Надо лишь иметь в виду, что норма охватывает только уголовно процессуальную форму, поскольку вмешательство ограничивается рамками воспрепятствования всестороннему, полному и

объективному расследованию (совокупности следственных действий и необходимо связанных с ними иными мероприятиями) дела. Следовательно, процессуальные закрепленные в законе формы воздействия являются правомерными способами поведения участников процесса и поэтому не образуют признаков состава преступления, предусмотренного как ч. 1, так и ч. 2 ст. 294 УК РФ.

Воздействие оказывается на прокурора, следователя или лицо, производящее дознание. Причем состав данного преступления при воздействии на прокурора будет только в том случае, если оно имело место либо в связи с осуществлением надзорных функций по конкретному расследуемому делу, либо с непосредственным его участием в расследовании дела, а не вообще из-за выполнения прокурорских обязанностей. То же самое относится к следователю и лицу, производящему дознание, касательно производства последними предварительного расследования. Поэтому вмешательство в деятельность следователя или лица, производящего дознание, например, по охране общественного порядка, не образует состава преступления, предусмотренного ст. 294 УК РФ. Ведомственная принадлежность указанных лиц значения не имеет.

Состав данного преступления сконструирован также по типу формального. Преступление считается оконченным с момента вмешательства в деятельность прокурора, следователя и лица, производящего дознание.

Преступления, предусмотренные ч. ч. 1 и 2 совершаются только путем действия. Сложно представить вмешательство в деятельность суда, прокурора, следователя или лица, производящего дознание, в форме бездействия, так как в этом случае бездействие по существу представляет собой отказ от вмешательства, а именно – невмешательство и не охватывается признаками объективной стороны рассматриваемого преступления. Однако, в некоторых случаях лицо, обладающее специальными процессуальными признаками, способно причинить аналогичный вред интересам правосудия, создать реальные помехи либо осложнения для деятельности суда также в случае бездействия, например, отказом от дачи показаний, то есть путем невыполнения специальных требований процессуального законодательства. Такое поведение лица, а также иные деяния, совершаемые в форме действия и внешне напоминающие признаки вмешательства в деятельность суда, прокурора, следователя или лица, производящего дознание, с одной стороны, следует отличать от преступления, предусмотренного ст. 294 УК РФ, и квалифицировать по иным уголовно-правовым нормам, имеющим соответствующие признаки (в том числе признаки специального субъекта), – ст. ст. 298, 303, 304, 306, 308 УК РФ и др. С другой стороны, возможна ситуация, когда вмешательство осуществляется лицом, обладающим специальными признаками, указывающими на его служебное положение, путем невыполнения действий, которые оно обязано было совершить (например, секретарь суда утаивает важную для

⁶ См.: Мальцев В. Указ. соч. С. 13.

⁷ Подробнее см.: Денисов С. А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия: Автореф. дис... д-р юрид. наук Спб., Университет МВД России, 2002. С. 37.

рассмотрения конкретного дела корреспонденцию). В этом случае весьма вероятно выполнение деяния, подпадающего под признаки ч. 3 ст. 294 УК РФ, в форме бездействия.

С субъективной стороны совершение этого преступления возможно лишь при наличии прямого умысла. В законе указана цель преступления, являющаяся обязательным признаком объективной стороны, – воспрепятствование всестороннему, полному и объективному расследованию.

В ч. 3 ст. 294 УК РФ в качестве квалифицирующего признака воспрепятствования как осуществлению правосудия, так и производству предварительного расследования указано использование лицом своего служебного положения.

Уголовную ответственность по ч. 3 ст. 294 УК РФ несет как должностное лицо, государственный служащий или служащий местного самоуправления, так и лицо, использующее свое служебное положение. Отсутствие в диспозиции части третьей дефиниции «должностное лицо» свидетельствует о том, что рассматриваемое вмешательство может быть совершено как должностными лицами, так и лицами, таковыми не являющимися, но в силу своей профессиональной деятельности непосредственно обеспечивающими осуществление правосудия или расследование по уголовным делам.

Под использованием служебного положения понимается совершение, в первую очередь, действий, вытекающих из служебной компетенции виновного, находящихся в рамках предоставленных ему прав и полномочий. Однако использование служебного положения следует признавать и тогда, когда должностное лицо воздействует на других лиц служебным авторитетом, использует личные связи и т.д. При этом вовсе не обязательно, чтобы это должностное лицо обладало по отношению к судье, прокурору, следователю или лицу, производящему дознание, прямыми властными полномочиями. Дополнительная квалификация действий должностного лица в таких случаях по ст. 285 УК РФ не требуется.

В силу специфики субъекта преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 294 УК РФ, вмешательство в деятельность суда или в расследование по делу с использованием лицом своего служебного положения по своим внешним проявлениям намного разнообразней вмешательства, указанного в ч. ч. 1 и 2 ст. 294 УК РФ. К типичным случаям такого посягательства можно отнести вмешательство в деятельность суда или в расследование по делу со стороны: 1) должностных лиц, осуществляющих властные полномочия на конкретной административной территории (например, главы администрации, депутаты различных уровней); 2) лиц, которым судьи, прокуроры, следователи и лица, производящие дознание, подчинены по службе; 3) лиц, которые в силу своего служебного положения имеют возможность ущемить законные интересы судьи, прокурора, следователя или лица, производящего дознание (например, начальник бюро технической инвентаризации, руководитель учебного заведения, подразделения пенсионного фонда); 4) лиц, которые в силу специальных полномочий могут собирать информацию или имеют доступ к информации, оглашение которой для указанных лиц нежелательно (например, работник ЗАГСа, располагающий сведениями о факте усыновления либо удочерения)⁸.

Проведенный анализ отдельных аспектов квалификации воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования и предложенные коррективы призваны проиллюстрировать мысль о необходимости изучения перспектив совершенствования диспозиции ст. 294 УК РФ путем конкретизации ее признаков, а также практики применения рассматриваемой нормы.

□ □ □ □ □

⁸ Подробнее см.: Мальцев В. Указ. соч. С. 14–15.